

“Да будет твердь посреди воды”

Среди самых заметных произведений о Кузнецкстрое - роман Ильи Эренбурга "День второй", который он написал в декабре 1932 - феврале 1933 года. Разумеется, в комфортном Париже, где только и можно, как говорится, почувствовать разницу между сытой и пошлой (в смысле мещанской) жизнью старушки Европы и тем невероятным, что происходило за пределами цивилизованного мира. (Чего стоит начало романа: "Только насекомые не изменили человеку. Они шли с ним под землю, где тускло светились пласты угля. Они шли с ним и в тайгу. Густыми ордами двигались вши, бодро неслись блохи, ползли деловитые клопы...")

Это скорее картина Апокалипсиса, однако роман назван "День второй", отсылая читателя к библейскому второму дню творения: "И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды... И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что [это] хорошо" ("Бытие" 1:6-10).

Наверное, в этом смысле название верное: Эренбург в стиле журналистики начала 1930-х годов (она еще не отделилась от собственно писательства, которое было тогда насквозь репортажно-эмоционально), яркие образчики которой можно легко найти и в "Большевистской стали", отделяет "воду от воды", рисуя сотворение нового мира. При этом он плохо отзывается о своем любимом Париже, заставляя повеситься одного из героев книги, Владимира Сафонова, который на одной ноге, скажем, с Вольтером, но чувствует себя изгоем среди строителей этого нового мира.

Впрочем, сами эти строители разнятся между собой как небо и земля, и скорее еще из первого дня творения, когда: "Земля же была безвидна и пуста. И тьма над бездною, и дух Божий носился над водою..." И, кажется, Эренбург, в отличие от Бога, не очень-то и видел, как из "тьмы над бездною", которую он в ряде мест романа описывает со знанием дела, может выстроиться то новое, чему посвящают свою жизнь лучшие его герои. Такие, например, как Колька Ржанов из выбранного нами отрывка: логики в его превращении в нового человека немного. Однако, наверное, тут мы не правы: логика есть - это логика веры и убеждений: "Да будет твердь!"

Но мы не разбираем достоинства и недостатки романа Ильи Эренбурга, мы говорим о книге, в которой (в силу отмеченной репортажности), может, наиболее ярко передана атмосфера великой стройки во всей противоречивости и разности людей, участвовавших в ней и прошедших непростой путь от времени, когда "Земля была безвидна" до того, когда "увидел Бог, что это хорошо".

Валерий Немиров.

"В тоске Колька оглядел барак. Люди лежали на койках не разувшись. Воздух был густой, как масло, - от махорки и от человеческих испарений. В углу без умолку кричал грудной младенец. Колька попробовал было читать, но лампочка была тусклая, и у него быстро заболели глаза. Тогда он прошел в красный уголок. Два котельщика играли в шашки. Они чесались и

однообразно приговаривали: “А я через нее сигану...” На стене висел старый номер стенгазеты. Колька прочел: “Галкин предается азартным играм, а на просьбы прекратить дебош отвечает бурным матом минут на двадцать. Когда же мы сразим огнем пролетарской самокритики это безобразие, унаследованное царизмом?”

Колька подумал: зачем он сюда приехал? В Свердловске было чище и спокойней. По вечерам он мог читать. Скучно? Но скучно повсюду... Разве можно жить в таком хлеву... Колька прочел все в той же стенгазете: “Мы строим гигант!” Он недоверчиво усмехнулся: видел вокруг себя усталых и несчастных людей.

Дня три спустя Колька пошел в клуб. Там он встретился с Васькой Смолиным. Смолин начал ему рассказывать про ударную бригаду комсомольцев. Колька улыбался. Нельзя было понять, радуется он словам Смолина или насмехается. Потом, все так же улыбаясь, он сказал: “А вот я видал в распределителе - конфеты только для ударников. Как же это: с одной стороны, энтузиазм, а с другой - кило карамели?..” Смолин не смутился. “Премии или чествования - это ерунда. Вся штука в том, что мы строим. Это как микроб. По-моему, доктора могут найти такую болезнь: “кузнецкая лихорадка”. Ты на себе это почувствуешь. В жар и холод кидает. Люди не едят, не спят. Помыться и то нет времени”. Колька больше не улыбался. Задумчиво постучал он папиросой о коробку, ответил: “Может быть. Я такого еще не видал”.

Колька попал в бригаду Тихонова. Рабочие из других бригад смеялись над тихоновцами: “Они кауперы к сороковому году закончат...” Их звали “тихоходами”. Кольку это злило. Он вспоминал школьные годы. Его группы дразнили “кувыркалы” за то, что при состязании в беге они сплеховали. Мальчишки из пятой группы даже сочинили песенку: “кувыркала фыркала”. Колька тогда не вытерпел: он отлупил обидчиков.

Слыша, как рабочие смеются над “тихоходами”, он досадливо пожимал плечами. Он глотал обиду, как глотают слезы.

Он говорил с инженером Соловьевым. Тот объяснил, как надо прикреплять листы. Тогда подошел Богданов. Это был краснощекий веселый парень. Улыбаясь, Богданов сказал Соловьеву: “Вы, Иван Николаевич, на них не полагайтесь. Эти тихоходы уже месяц как валандаются, и все без толку”. Колька даже сгорбился от обиды. Он хотел обругать Богданова, но сдержался, отошел к товарищам. Вдруг каким-то очень тонким, не своим голосом сказал: “Что ж это такое, ребята?.. Чем мы хуже других?..” Сказал это и покраснел от стыда. Ему казалось, что рабочие в ответ засмеются: “Конфетки захотелось?..” Но рабочие молчали. Только Фадеев проворчал: “Кормить не кормят, а тут еще рекорды ставь”.

Отступать было поздно. С минуту постояв в нерешительности, Колька полез прикреплять лист к колесу. Он работал до изнеможения. Ночью он долго не мог уснуть. В ушах гудело, и, забываясь, он конвульсивно вздрагивал, как будто кто-то его будил.

Так началась борьба. Колька не думал ни о гиганте, ни о стране, ни о революции. Он думал о цифрах: обогнать! Он шел на все хитрости. Он соблазнял Фадеева: “Премировать будут сапогами”. Он льстил молоденькому Крючкову: “Ты у нас первый”. Он подзадоривал Тихонова: “Тебя выдвинут”. Для себя он не хотел ни сапог, ни похвал, ни курсов. Он хотел одного: перегнуть обидчиков.

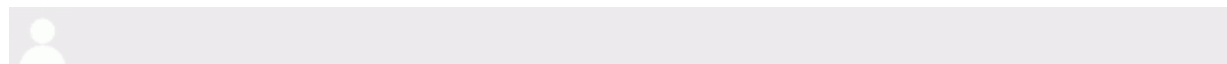
В третью декаду бригада Тихонова выполнила задание на сто девять процентов. Впереди шли только богдановцы.

Перегнуть богдановцев было непросто. Но Колька достиг своего - в сентябре его бригада стала первой.

Тогда неожиданно для себя он загрустил. Казалось, он должен быть счастлив. Он может теперь спокойно глядеть на краснорозега Богданова. На собрании актива Кольку поздравляли. Соловьев с гордостью сказал: “Это наши - ржановцы”. Что же дальше?.. В душе Кольки обозначилась давняя пустота. Глаза были готовы вновь отстраниться от жизни. Несколько дней он проходил молчаливый и скучный.

Соловьев его спросил: “Когда же мы закончим восьмой каупер?” Тогда Колька как-то сразу очнулся. Он понял, что его жизнь теперь неразрывно связана с жизнью этих больших и грубых чудовищ. Когда писатель Грибин, обходя цеха, сказал, что мартеновские трубы “куда изящней”, Колька обиделся: для него кауперы были самыми нужными и самыми прекрасными. Он забыл теперь обо всем, о самолюбии, о цифрах, о красной доске, о богдановцах, которые снова ухитрились перегнуть Колькину бригаду. Он работал только ради кауперов. Он видел, как они растут, и с волнением беременной женщины, с ее причудами и страхом следил за их таинственным ростом. Кауперы для него были не кирпичами и железом, не печами для нагревания воздуха, не сложным сооружением, которое позволит людям плавить чугун. Они жили своей отдельной жизнью. В “Порт-Артуре” землекопы пили водку и буянили. Старая киргизка искала вшей на голове дочери. Строители ругались: “За ноябрь еще не выдали сахара”. Кругом шла обычная жизнь. Но над этой жизнью жили кауперы. В один из самых жестоких дней Коля стоял возле каупера. Он увидел, что канат на мачте застрял: нельзя подымать листы. Тогда, не задумываясь, Колька полез наверх. Наверху было еще холоднее. Колька с трудом дышал. Большие круги света поплыли перед его глазами. Ему показалось, что он падает. Но он не испугался: в ту минуту для него не было смерти. Потеряв на миг равновесие, он успел ухватиться за канат. Перед ним была вся стройка: кауперы, тонкие трубы мартена, бесконечно длинный блюминг, экскаваторы, краны, лебедки, мосты. Все это дрожало в холодном, как бы искусственном свете. Воздуха не было. Были трубы и машины. Над стройкой висел крохотный человек. Он должен был выпрямить канат. Он это и сделал. Он оставался наверху свыше часа. Когда спустился вниз, он больше ничего не понимал. Люди толпились вокруг. Кто-то крикнул: “Качать!” Его несколько раз подкинули вверх. Он молчал. Партизан Самушкин, стараясь скрыть волнение, выругался, а потом крепко сжал руку Кольки. Соловьев проворчал: “Да ты, брат, того - герой”.

Колька не улыбался. Он глядел вверх - теперь всё в порядке! Так работал Колька Ржанов. Так работали и другие. Их называли “ударниками”. Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. Других подгоняло честолюбие: они не хотели остаться позади. Третьи работали так, как обычно играют в железку: это был свой, строительный азарт. Четвертые мечтали выйти в люди: стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, променять кирку или кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну “Домной Ивановной”. Они звали мартеновскую печь “дядей Мартыном”. Шестые верили, что стоит достроить этот завод, как людям сразу станет легче: будут рельсы, а по рельсам понесутся сахар, чай, сукно и сапоги. Ударников было много - чистых и нечистых. Но все они работали скорее, нежели могли. Они работали скорее, нежели могут работать люди. На кладке огнеупорного кирпича французские специалисты говорили: “Человек может положить в день полтонны”. Каменщик Щеголев выслушал переводчицу и ничего не сказал. Его бригада вышла на работу в шесть утра. Щеголевцы работали до ночи. Они не курили, чтобы не потерять ни минуты. Когда они сдали работу, на человека вышло по полторы тонны”.

максим мусихин 05.04.2012 11:13:43

Я Не могу понять, что или кем ощущали Строители КМК в день выплавки первого металла, но мой прадед назвал свою дочь, которая родилась в этот день ИДЕЕЙ, а один из руководителей стройки СТАЛИНИНОЙ (в честь металла).
